

Виталий Яковлевич ВОРОБЬЁВ,
старший научный сотрудник
Центра исследований Восточной Азии
и ШОС МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

Будущее американо-китайских отношений при администрации Дональда Трампа

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-60-75

АННОТАЦИЯ. Вне зависимости от того, кто конкретно является президентом Соединённых Штатов, долгосрочные цели американской внешней политики остаются неизменными. В американской элите существует устойчивый консенсус по вопросу сохранения за Америкой глобальной мировой роли. Корректировки внешнеполитического курса возможны, но они не могут носить принципиального характера. На президентских выборах в США победил Д. Трамп. Одним из своих приоритетов во внешней политике он провозгласил всестороннее сдерживание Китая. По мнению автора, это решение будет иметь разноплановые экономические, внешнеполитические и военно-стратегические последствия. За последние годы Китай превратился во вторую державу мира, однако темпы его экономического роста начали заметно снижаться. Америка же успешно преодолела последствия финансового кризиса 2009 г. Сегодня разрыв ВВП двух стран вновь увеличивается. США сохраняют заметный качественный отрыв от Китая в военной

области. Быстро сократить его Китай не сможет. В ходе дипломатических манёвров США могут пойти на частичное снижение своего влияния в отдельных регионах мира. Они готовы перераспределять сферы ответственности в рамках союзов и демонстрировать более внимательное отношение к интересам других держав. Однако, с точки зрения автора, было бы большой ошибкой видеть в этом признаки упадка США. В изменчивой динамике американо-китайских отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе важной опорой для Китая служит устойчивость и крепость российско-китайского стратегического партнёрства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сдерживание, США, политика, Россия, взаимодействие, экономика, конфликт, стратегия, дипломатия.

В результате президентских выборов 2016 г. властные функции в Соединённых Штатах перешли от демократов к республиканцам. Они же заняли более половины мест в обеих палатах

Конгресса США. Победа предприимчивого магната над респектабельным представителем политического истеблишмента символична и во многом показательна для США.

Смена власти в любой крупной стране, как правило, предполагает более или менее серьёзную корректировку осуществляемого политического курса. Соединённые Штаты не стали здесь исключением. Новым хозяином Белого дома стал человек, не принадлежавший к сословию профессиональных политиков. Однако именно ему теперь предстоит формулировать приоритеты США в экономике, внешней и внутренней политике. То обстоятельство, что эксцентричный миллиардер в прошлом мало соприкасался с вопросами международных отношений, придаёт ожиданиям элемент сенсационности. Его предвыборные популистские эскапады и броские фразы, включая намёки на некое подобие неоизоляционизма, не должны заслонять тот базисный факт, что Д. Трамп является убеждённым поборником «сильной Америки», а карьера крупного бизнесмена не могла состояться без таких черт характера, как трезвый расчёт рисков, изворотливость и большая прагматичность.

Американский истеблишмент, сложившаяся система внешних союзов, да и присущий американскому обществу консенсус относительно статуса США на международной арене вряд ли допустят нарушение преемственности стратегических ориентиров. Д. Трамп провозгласил своей целью не просто удержать, а упрочить и закрепить на длительное время лидерство США в мировых делах, хотя со времён Культурной революции Мао Цзэдуна китайская пропагандистская машина в отношении американской политики

предпочитает использовать понятие «гегемонизм».

Трамп чётко обозначил свою магистральную задачу. Его цель сводится к тому, чтобы добавить силы американской сверхдержаве. Суть интриги заключается в следующем: какими путями и методами столь неординарный по меркам США президент собирается её осуществлять. Д. Трампу от Б. Обамы переходит очень непростое, но весьма приличное наследство. Сложноустроенный суперсовременный гигантский лайнер под названием «США» достаточно уверенно держится на плаву и движется вперёд собственным курсом. В чём можно видеть его особенности? Кое-какие принципиальные моменты новый президент уже обозначил.

На страницах этой статьи нам хотелось бы, пусть и в самом общем виде, предпринять попытку прогноза развития американо-китайских отношений при новой администрации. Отношения Вашингтона и Пекина имеют сложный и многоплановый характер. В первую очередь мы рассмотрим их экономический и внешнеполитический аспекты. При этом к внешнеполитическим проблемам здесь вплотную примыкают очевидные военно-стратегические вызовы. Наконец, любой анализ будет неполным без освещения того информационного фона, который во внутренней политике каждой державы сопровождает её отношения со страной-соперником.

Экономический бег на месте

В последние годы на уровне риторики всё более нарастало некое противопоставление китайской, пока ещё весьма эклектичной, модели экономического развития, а также новейших внешнеполитических доктринальных

установок Пекина, апеллирующих ко всему человечеству и далёких от коммунистической фразеологии, традиционным клише американского понимания мироустройства и мировидения. Тем не менее внятной альтернативной модели успешного экономического роста Пекин выработать так и не смог. Более того, Китай самым тесным образом включён в подконтрольную Соединённым Штатам мировую экономику [см.: Moore T.J., 2011:32]. Их внешне-торговый оборот в 2015 году превысил 550 миллиардов долларов США, и по прогнозам за десять лет он может удвоиться. Американские инвестиции в КНР составляют около 77,5 миллиардов, а китайские в США – 46,6 миллиардов. У Китая почти на 1,2 трлн долларов облигационных американских обязательств. ВВП США достигает 18 трлн американских долларов, Китая – 10 трлн, суммарно это более трети общемирового ВВП¹.

Хотя к 2000 г. доля Китая в мировом ВВП возросла до 4,5%, а к 2014 г. – до 11,3% [Brooks S.G., Wohlforth W.C., 2015:25], в Вашингтоне имеют отчётливое представление об уязвимых точках китайской экономики и финансах. Разрыв между объёмами ВВП США и Китая не уменьшается в последние годы, а увеличивается примерно на полтора – два с половиной процента в год. При этом продолжается сокращение темпов роста ВВП Китая. На 2017 год китайские эксперты предлагают для страховки установить данный показатель в диапазоне 6–7%, на 2016 год он составлял 6,5–7%. Чтобы придать этому процессу плавный характер, в 2016 году в экономику было вприснуто около одного триллиона юаней

сверхнормативно. Значительная часть этих денег пошла на поддержание на плаву системообразующих китайских банков, многие из которых употребили полученную сумму для спекуляций на рынке недвижимости, раздув его до опасных пределов. Перевод экономики на новую модель роста идёт трудно². На местах либо саботируют, либо занимаются имитированием исполнения соответствующих решений и указаний из центра, которые предполагают перестройку методов и стиля работы в ещё более рыночном духе, что поначалу вызывает ущемление собственных материальных интересов. Налоговая нагрузка на промышленные предприятия в Китае постоянно растёт и уже почти вдвое превосходит уровень США при увеличении стоимости китайской рабочей силы. Китайские предприниматели предпочитают инвестировать всё больше средств за рубежом, не в последнюю очередь в США. Имеет место медленная, но постоянная девальвация китайского юаня на 8% процентов, что съело почти четверть золотовалютных резервов страны. Таким образом, Китаю следует отдавать отчёт в том, что угроза его безопасности и жизненным интересам со стороны США может проявляться и в непрямом варианте³.

На фоне отчётливых признаков стагнации в Китае экономика США сегодня выглядит в целом устойчиво работающим механизмом. Он обеспечивает в последние годы самые быстрые темпы роста ВВП в западном мире. Причём эти показатели несут в себе гораздо более

² China's economic problems will come to a head in 2017 // <http://www.marketwatch.com/story/chinas-economic-problems-will-come-to-a-head-in-2017-2016-11-23> (Дата обращения: 20.12.2016)

³ Отношения Китая и США. Ноябрь 2015. (中国同美国的关系) // http://wcm.fmprc.gov.cn/pub/chn/gxh/cgb/zcgmzyys/bmz/1206_22/1206x1/t25477.htm (Дата обращения: 20.12.2016)

¹ Morrisson W.M. China-U.S. Trade issues. Congressional Research Service. February 9, 2017.

высокое качественное наполнение, чем китайские цифры. За США сохраняется репутация самой продвинутой страны в инновационно-технологической сфере. Положение доллара США в качестве ведущего международного платёжного средства не претерпело изменений. Кроме того, США смогли добиться независимости в энергетической области и теперь могут влиять на подвижность цен на мировом нефтяном рынке⁴.

Выход из кризиса после 2009 г. был сопряжён с определённой «чисткой» промышленного потенциала США от некоторых устаревших излишков и нерентабельных предприятий. Намечившийся переход к новой индустриальной политике подкрепляется использованием таких финансовых рычагов, которые стимулируют экономический рост и увеличение потока инвестиций извне, в том числе за счёт Китая.

Дональд Трамп убеждён, что рост Китая происходит в значительной мере за счёт нанесения ущерба американским производственным интересам вследствие неэквивалентности в товарообмене, который превышает полтриллиона долларов США. То есть он, дескать, собирается упорядочить конкуренцию. Подобного рода настроения в США и в Евросоюзе накапливались уже давно. В декабре 2016 года они даже стали поводом поставить под сомнение рыночный характер китайской экономики. Д. Трамп выразил эту тревогу в обострённо-популистской манере и перевёл на язык угроз прибегнуть к мерам санкционного типа.

В последние годы произошло форсирование процесса реиндустриализации США путём стимулирования пере-

тока инвестиций извне и значительного облегчения условий для функционирования промышленности на территории страны. На руку замыслам Д. Трампа усилить самообеспечение США энергоносителями оказались недавние договорённости группы нефтедобывающих стран. Чисто символическое снижение на некоторый срок дневной добычи нефти без лимитирования размеров экспорта мало что меняет на рынке, но начинает сдвигать цену на сырую нефть к более выгодным значениям для американских нефтедобытчиков. Если США обретут дополнительное «экономическое дыхание», то они будут располагать эффективным оружием для ненасильственного воздействия на ход внутренних экономических процессов в других странах, надолго оставаясь к тому же эмитентом ведущей мировой валюты — доллара. Парадоксально, но нынешняя модель глобализации может оказаться благоприятной для осуществления планов Д. Трампа.

Далеко ли до заката американской военной мощи?

Тенденция сокращения военно-технического превосходства США над Китаем не оспаривается даже в Пентагоне, но ситуация варьируется от одной области к другой [Brooks S.G., Wohlforth W.C., 2015:51]. Военная машина США по-прежнему является высокотехнологичной, современной, способной к быстрому реагированию, несмотря на определённое сокращение военных расходов, которое осуществлялось при Б. Обаме⁵. Сохраняя военное присутствие за рубежом, прежняя админи-

⁴ Petroleum and other liquids // http://www.eia.gov/dnav/pet/pet_sum_snd_d_nus_mbbldpd_a_cur.htm (Дата обращения: 20.12.2016)

⁵ The Budget control Act of 2011. Congressional research service. August 19, 2011; Fiscal year 2016. Budget request. Department of defense. February 2015.

страция США не пошла на создание новых точек постоянного военного базирования за пределами страны [см.: Petyjohn S.L., Vick A.J, 2013].

Размышляя над тенденциями в американском военном строительстве, можно сделать вывод, что в ближайшие годы произойдёт наращивание военной мощи с акцентом на ракетно-ядерный потенциал⁶. Ставка может делаться не столько на количественное увеличение, сколько на совершенствование того, что имеется в наличии, а также на ускорение принятия на вооружение новых образцов и разработок, которые у США наверняка уже есть в стадии опытно-конструкторских работ.

Здесь может присутствовать элемент сознательной провокации, обращённый к внешним силам, наподобие рейгановской программы «звёздных войн». Как показывает исторический опыт, это может затянуть соперника в «чёрную дыру» схлопывания экономики и привести к угасанию развития государства. В подтверждение данного тезиса можно привести тот факт, что значительное снижение темпов экономического роста страны понимается ЦК КПК как одна из наиболее актуальных угроз. В последние тридцать лет, по мере угасания революционного запала маоистской идеологии, именно экономические успехи Китая выступали в роли едва ли не единственного источника легитимности правящего коммунистического режима⁷.

Китай на нынешнем этапе пока ещё способен только снизить, но никак не ликвидировать возможности Америки

по части проекции силы [Chase M.S et al., 2015: 40–41]. Наиболее вероятно, что Китай будет сокращать своё технологическое отставание от США не повсеместно, а в ограниченном количестве приоритетных областей, таких как высокоточное оружие и ракетно-космические технологии [Forging..., 2014:1].

В случае с Китаем глобальное первенство США всё ещё оставляет в распоряжении Вашингтона значительно большее пространство для манёвра по сравнению с тем, что он имел в годы Холодной войны, хотя США вряд ли сумеют вернуть то подавляющее военное превосходство⁸, а следовательно, и былую свободу действий в непосредственной близости от китайских границ, которыми они обладали в 1990-е гг. Однако, если цели Америки будут разумно ограничены, её стратегия сохранения влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе вполне может рассчитывать на успех.

Независимо от того, какая партия находится у власти, США будут безальтернативно оставаться единственной сверхдержавой по крайней мере до середины XXI века. Обеспечение такого положения США в мире остаётся неизменной и объединяющей целью для всего политического истеблишмента США.

Внешняя политика между соперничеством и конфронтацией

Характерное для президентства Б. Обамы перераспределение сфер ответственности в рамках союзов, делегирование союзникам дополнительного

⁶ Report on nuclear employment strategy of the United States. U.S. Department of Defense. Washington, DC, June 2013.

⁷ Military and security developments involving the People's Republic of China. Annual report to Congress. 2015. P. 25.

⁸ Кто же победит в войне между Китаем и США: англичанин даёт удивительный ответ (中美战争到底谁能打赢: 英国人给出惊人答案) // <http://mt.sohu.com/20160307/n439607709.shtml>. (Дата обращения: 07.03.2016).

объема полномочий, более внимательное отношение к интересам других государств было бы опрометчиво принимать за «сокращение влияния» США в мире. В то же время первенствующее положение США едва ли всерьёз пошатнулось. Вашингтон скорректировал прежнюю жёсткую и прямолинейную политику. Более того, он нейтрализовал многие негативные моменты в американской экономике, вызванные финансово-экономическим кризисом 2008 года, инспирированным самими же США.

Пересмотр внешнеполитической линии был не столько субстантивным, сколько поведенческим и стилевым. К примеру, США уклонялись от поспешных решений касательно использования за пределами США прямых военно-силовых методов для урегулирования тех или иных конфликтных ситуаций. Практически по всем основным вопросам мировой повестки дня односторонний подход стал уступать многостороннему. Было проведено упорядочение, усиление и обновление союзнической системы США в глобальном измерении. При этом осуществлялось возобновление и налаживание более тесных внешнеполитических отношений с целым рядом государств, в том числе с крупными мировыми игроками. При Обаме США пошли на полную или частичную нормализацию, казалось, безнадежно испорченных и даже открыто враждебных отношений с такими знаковыми для американской политики последних десятилетий странами, как Иран, Куба, Вьетнам, Мьянма. Эти крупные сдвиги дают Вашингтону больше простора для маневрирования. Однако главные цели американской большой стратегии оставались неизменными.

Лейтмотивом понятия «американские интересы» выступает прочно укоренившаяся в американском обществе точка зрения, что США – это государство-образец для всего мира, о чём свидетельствует их неоспоримая мощь. На США возложена великая миссия. По такой логике, США обязаны и должны быть повсюду. В каждой точке мира они не посторонние зрители, в каждой мировой проблеме они призваны «помогать» регулировать процессы в направлении «торжества справедливости», естественно, в её американской трактовке. Все это интерпретируется не как вмешательство, наступательные акции, а как сдерживание, сопротивление или противодействие «ревизионистским» попыткам кого-то другого дестабилизировать обстановку, раскачать или разрушить баланс сил, удобный для сохранения за США доминирующих позиций.

Пекин не перестаёт убеждать всех, что Китай, выйдя на второе место в мире по валовым экономическим показателям, не ставит стратегической задачи заменить собой США в качестве единственной сверхдержавы, однако даёт понять, что изменения в эту сторону могут происходить объективно, «естественным порядком» и эволюционно⁹.

В китайских СМИ всё чаще звучит тезис, что весь мир должен привыкать и адаптироваться к «возвышающемуся» Китаю, воспринимать это как позитивное новое явление, радикально меняющее глобальную расстановку

⁹ Международная стратегия Китая (中国国际战略) // <http://wenku.baidu.com/link?url=nhGeZQGn6yJRXtpF8wvTLYF6vZd7rU3jZRWkWoHuSqPcAj1mjuBnUAP1nypmNblKekyaMIJLO2hwD-32C3vXBeMuk23rh4Sm7luS-Ra6Sm>. (Дата обращения: 07.11.2013).

сил в лучшую сторону. Сам же Китай будет переходить от прежнего курса Дэн Сяопина на встраивание в существующий международный порядок к линии, предусматривающей самое деятельное участие в его постепенном реформировании от прозападной односторонности к широкому равноправному представительству всех групп и типов государств¹⁰.

Союзническому типу отношений, реанимируемому США, Китай начинает всё активнее противопоставлять культивируемый им партнёрский тип как наиболее подходящий в современных условиях для общения всех суверенных независимых государств, не урезающий их самостоятельности во внутренних и внешних делах. Часто в пример ставится российско-китайское стратегическое взаимодействие. По существу, на возможность такого эвентуального формата намекают предложения председателя КНР Си Цзиньпина о принципах построения китайско-американских отношений, повторённые им в поздравлении Д. Трампа с его победой на выборах.

В фокусе внимания Пекина применительно к китайско-американским отношениям находятся вопросы Азиатско-Тихоокеанского региона, в особенности региона Восточной Азии, включая Южно-Китайское море. КНР формально это отрицает, но на практике исходит из того, что в тихоокеанском секторе АТР де-факто уже складывается своеобразный дуумвират КНР – США с очевидными признаками конкуренции между ними. Это, действительно, новое явление, которое будет на перспективу определять состояние дел

и динамику процессов в этом обширном субрегионе¹¹.

Укрепление позиций и увеличение военного присутствия США в тихоокеанской зоне уже само по себе несёт заряд сдерживания темпов распространения влияния КНР, которое происходит неизбежно вследствие проецирования вовне растущей комплексной мощи Китая и его перехода к более напористой внешней политике [Lostumbo M.J. et al., 2013: 25]. Пекин, публично полемизируя с подобными действиями США, судя по всему, отдаёт себе отчёт, что других вариантов с американской стороны не будет; хотя на Д. Трампа почему-то надеются, но на деле включаются в это своеобразное состязание, что особенно прослеживается по ситуации в Южно-Китайском море.

Заметно возросшая активность США здесь в рамках объявленного Б. Обамой разворота американской политики от Ближнего Востока в сторону Тихого океана будет сохраняться с теми или иными нюансами впредь, составляя ведущую черту глобального позиционирования США. Америку устраивает наличие там контролируемой напряжённости, но не прямой конфликт с Китаем, как и вообще он им не нужен с этой страной. Чтобы не оставаться в одиночестве, Вашингтон старается притянуть туда своих проверенных союзников – Японию и Австралию, дабы сформировать подобие международной коалиции под предлогом обеспечения свободы судоходства для всех. Такое развитие событий будет

¹¹ Краткий анализ проблем и вызовов в отношениях между Китаем и США (中美关系目前存在的问题与面临的机遇浅析) // http://wenku.baidu.com/link?url=Tos14ZcxXzB_74Xu_mLXRRQHt5R1_ZgpgN38fgUz703VfQqd_o7iD7FHX_GJ6j31de_UBAv611pM37d5aTg7ppMyHm0cYadBU-Rtd-SiYL4G (Дата обращения: 12.12.2010).

¹⁰ Стратегическая цель Китая – перестроить мировой порядок (中国国家战略目的是为了重构世界均衡) // http://bbs.tiexue.net/post2_11427855_1.html. (Дата обращения: 13.04.2016).

создавать для Китая дополнительные неудобства, тем более если станут подключаться и другие государства. Китаю придётся всерьёз заняться мотивировкой своей позиции относительно свободы судоходства в пределах той пунктирной линии, которой он обозначает на картах зону своего контроля над акваторией Южно-Китайского моря [см.: Glaser C.L., 2015: 49–90].

Всё говорит о том, что нынешний статус-кво в Южно-Китайском море сохранится надолго. Готовности пойти на компромисс стороны не проявляют, но и силой пересматривать создавшееся положение не выгодно никому. Для Китая это чревато разрушением создаваемого имиджа исключительно миролюбивой великой державы нового типа. Иными словами, проблематика Южно-Китайского моря останется источником напряжения в китайско-американских отношениях, степень конфликтности которого будет периодически меняться и зависеть от конкретных особенностей состояния этих отношений в целом¹².

Помимо Южно-Китайского моря, сюда можно отнести проблему ядерного оружия на Корейском полуострове. Ясно, что данная проблема во всём её объёме не будет поддаваться решению ещё в течение очень длительного времени. Об объединении двух Корей в Пекине практически не вспоминают. Даже если США совершат неожиданный политический манёвр и станут налаживать связи с КНДР, как это они проделали с упомянутыми выше странами «чёрного списка», Пхеньян, как в прошлом и Тегеран, едва ли полностью свернёт свою ракетно-ядерную

программу. Это сохранит для США повод реализовать решение о размещении своих ракет-перехватчиков в Южной Корее, которые на деле составят дальневосточную часть вынесенной далеко вперёд линии противоракетной обороны территории США, прежде всего от двух стран – России и Китая. Нынешние неконтактность и упрямство Пхеньяна лишь на руку таким намерениям США, разделяемым теперь и Японией. Звучащие в унисон выступления России и Китая против такой инициативы США понятны и логичны. Однако вряд ли наличие или отсутствие американских противоракет заставит КНДР отступить. Речь может идти о продумывании акций коллективного сдерживания Пхеньяна с участием США, которые бы не носили откровенно санкционного характера, а скорее напоминали практику давления через поощрение. В этом деле Китай в координации с Россией мог бы сыграть важную позитивную роль.

В подходе к отношениям с Японией у Пекина доминирует стремление не допустить возвращения Японии на место главного диалогового партнёра США в тихоокеанской зоне АТР, что хотело бы видеть нынешнее японское правительство, которое резко активизировало свою внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность¹³.

Вместе с тем Китай будет вынужден принаравливаться к «новой реальности», которой становится Япония под целеустремленным водительством премьера Абэ. Он имеет уникальный шанс остаться у власти ещё на пять лет. Такого рода приспособление – за-

¹² Kamphausen R.D. China's military operations other than war: the military of Hu Jintao // The Hu Jintao decade in China's foreign and security policy (2002–2012): assessments and implications. SIPRI. Stockholm, 18–19 April 2013.

¹³ Если начнётся война между Китаем и США, то первой пострадает Япония (若中美开战 最先消失的国家绝对会是日本) // <http://wenku.baidu.com/view/7337ee8571fe910ef12df862.html> (Дата обращения: 11.09.2012).

дача для Пекина по всем параметрам многосложная, принимая во внимание распространённость в Китае весьма недружелюбных взглядов на современную Японию. Склонность Пекина усматривать, во всяком случае пропагандистски, в любых шагах Токио антикитайские мотивы не станет помехой для Абэ, но может сдерживать выработку реалистических основ для новой модели взаимоотношений с Японией. А этого требует не в последнюю очередь материальная ткань отношений, которой Пекин не собирается пренебрегать или жертвовать.

Что касается китайско-японского спора по поводу островов Дяоюйдао, то вряд ли он уляжется в обозримом будущем. Это вопрос политико-территориального наследия Второй мировой войны, которую Япония проиграла, но теперь не скрывает намерений подвергнуть ревизии отдельные её итоги. Торг по существу вопроса здесь для Китая исключён. Важно, чтобы данный раздражитель, подпитываемый японо-американским союзом, держался под контролем, не вызывал эмоциональной несдержанности, поскольку каждая из сторон твёрдо намерена демонстрировать в спорном районе свой флаг.

Во всём этом просматривается глубинный подтекст, а именно – известная политика сдерживания Китая, оценка его как потенциального политического соперника, всё заметнее претендующего на глобальные роли. Примечательна возникающая перекличка. Подавляющее большинство китайских экспертов также предпочитают характеризовать современные отношения Китая с США, прибегая к термину «конкурирующие соперники», не стесняясь называть это «схваткой». Симптоматичны их рассуждения со ссылкой на мало под-

ходящие случаи из древнейшей греческой истории о том, можно ли избежать войны за мировое господство между «состоявшейся» и «быстро поднимающейся» державами, под которыми однозначно понимаются сегодняшние США и Китай.

Три года назад председатель КНР Си Цзиньпин предложил тогдашнему президенту США Б. Обаме согласовать нечто вроде принципов-правил мирного соревнования, очень напоминающие то, что провозглашал советский лидер Н.С. Хрущёв ещё в 1950-е годы. Б. Обама уклонился, видимо расценив китайскую инициативу как опосредованную заявку добиться признания за Китаем равного с США геополитического статуса. Д. Трамп едва ли, особенно на первых порах, будет открыт для предметного обсуждения данной темы. А если когда-то и пойдёт на это, то для получения от Китая существенных уступок в торговых делах и по обменному курсу китайского юаня.

В изменчивой динамике американо-китайских отношений на азиатско-тихоокеанском направлении важной опорой для Китая служит устойчивость и крепость российско-китайского стратегического партнёрства. Попытки Вашингтона прямо или косвенно повлиять на этот тандем, если не разъединить его, то сбить с единого ритма – это постоянная составляющая внешнеполитического курса США, кто бы ни стоял там у власти. Необходимо, чтобы понимание данного обстоятельства, существующее и в Москве, и в Пекине, энергично переводилось на язык всё новых сближающих шагов и уплотнения взаимной координации, а главное – наращивания доверительности по всем направлениям.

Китай и США глазами друг друга

Определяя свои внешнеполитические шаги, вашингтонская администрация постоянно соизмеряет их с внутренними настроениями в США. Конечно, эти настроения подвергаются корректировке в нужном для текущей конъюнктуры направлении, но происходит это неизменно в духе верности американскому патриотизму и защиты американских интересов.

Сложность и острота различных проблем, которыми перенасыщена внутренняя жизнь США, обычно служат главным предметом для полемики между двумя основными политическими партиями. Именно внутренние дела прежде всего интересуют рядовых американцев. Поэтому сосредоточение внимания на внешнеполитических сюжетах не способно всерьёз отвлечь внимание американского электората от реально беспокоящих его насущных тем.

В глазах американского истеблишмента внутривнутриполитическое устройство США не нуждается в каком-либо серьёзном реформировании. Эта устоявшаяся система допускает некоторое разнообразие внешних форм, даже элементы эксцентричности, как это продемонстрировала президентская кампания 2016 года. Но в этом видят не коренные изъяны, а, наоборот, сильные стороны американской модели демократии. Состояние общества, преобладающие в нем настроения рассматриваются не по линии «раскол или единство», а в ракурсе «плюрализм или его отсутствие». Д. Трамп, к примеру, переходил из республиканцев в демократы и обратно. Американской политической системе свойственно функционировать именно в плюралистическом

режиме, если разномыслие не покушается на устои общественного порядка и на базовые ценности, закреплённые в Конституции США.

Великим державам свойственно стремление преподносить собственную политику под видом усилий, направленных на восстановление нарушенного соперниками баланса сил. При этом действия оппонентов зачастую трактуются как нарушающие достигнутое равновесие. В этой связи едва ли не основная проблема американо-китайских отношений заключается в неясности того, на каких условиях Соединённые Штаты будут готовы примириться с расширением роли Китая в мировой политике¹⁴. Если же Китай заранее будет исходить из неизбежности противостояния с США, то, с американской точки зрения, он допустит ошибку [Gompert D.C., Binnedijk H., Lin B., 2014:224].

По мнению США, китайские внешнеполитические цели не транспарентны. Хотя существующее на данном этапе соотношение сил в экономике и военно-стратегической сфере ещё не позволяет Китаю оспорить глобальное доминирование США, возможное в будущем сокращение этого отставания может существенно повлиять на рост китайских амбиций¹⁵.

Вследствие глубокой интеграции Китая в глобальную экономическую систему внутри американской политической элиты ещё не сформировалось

¹⁴ Китай и США: на пути к отношениям нового формата (中国与美国: 走向新型关系) // http://www.360doc.com/content/14/0226/19/225123_355932513.shtml (Дата обращения: 26.02.2014).

¹⁵ Мировая стратегия КНР (中国的全球战略) // http://baike.baidu.com/link?url=ddwOF1oiAzDZIAwhYMnJxznQORWyp_TYfqPNvYx7iqTY180Oupri_m5WtKfPSzAxvDVoRoW5fItKdhUXa8E0e (Дата обращения: 01.08.2010).

чёткого представления об угрозе с этого направления. В своих антикитайских выпадах Д. Трамп озвучивает отнюдь не всеобщее мнение, но мнение лишь части экспертного сообщества. Устойчивого стереотипа наподобие «русской угрозы» в отношении Пекина пока ещё не существует. Американская элита отдаёт себе отчёт в том, что Китай – это не СССР, создававший отдельную и независимую от Запада сферу влияния, в которой он доминировал политически и которую контролировал экономически. Поэтому Китай вовсе не следует воспринимать как Советский Союз XXI века [Kelly T.K. et. al., 2014:40]. Непонятно, как далеко должен зайти процесс усиления Китая, чтобы в отношении Поднебесной в американской политической элите сформировался такой же консенсус, какой существовал в отношении СССР в годы Холодной войны.

В Пекине категорически не согласны с утверждением, что Китай стремится заменить американское доминирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе на своё собственное. Китайские вожди не доверяют США и опасаются их, однако на данном этапе едва ли воспринимают в качестве прямой и непосредственной угрозы возвышению Китая [Chase M.S et al., 2015: 22].

Итак, американо-китайские отношения, с одной стороны, покоятся на весьма прочных экономических основаниях. С другой стороны, они отравляются взаимным недоверием, тревогой и подозрениями. В подобном контексте бессмысленными провокациями смотрятся, например, грубые нападки китайской прессы на личность Д. Трампа. Его осыпают саркастическими упреками и обвинениями в некомпетентности во внешнеполитических вопросах.

Трамп якобы «пока ничем не показал потенциала стать сильным президентом». То же самое в своё время говорили о Р. Рейгане. Однако он вошёл в американскую историю как один из самых запоминающихся и эффективно поработавших на интересы США президентов. Сильным преувеличением выглядит распространённая в Китае точка зрения, будто успех Д. Трампа демонстрирует глубокий раскол в американском обществе. Скорее имеет место большой плюрализм оценок и взглядов на отдельные аспекты американской действительности при совпадении мнения о необходимости первенствующей роли США в мире.

В китайских печатных и электронных СМИ получает распространение высокомерно-поучительный тон в адрес целого ряда государств и их лидеров, прежде всего США, Японии и Индии, когда они поступают по своему и «не оправдывают» ожиданий китайских экспертов. Возрастает засорённость информационного поля безответственными националистическими сентенциями, подменяющими профессиональный анализ шумной риторикой типа утверждений – «человечество стоит на пороге третьей мировой войны», «Д. Трамп – это война», «у Китая достаточно сил, чтобы вдарить по физиономии США так, что у них коленки подогнутся», «США могут сохранить репутацию мирового лидера, только если они будут позитивно реагировать на китайские политические инициативы», «китайским ВВС и ВМФ надо стремительно выдвигаться к западному побережью США, чтобы те стали сговорчивее», «Китаю надо своим упорством просвещать США, поскольку сотрудничать после драки полезнее, чем наоборот». Подобные лозунги лишь

стимулируют рост недоверия к Китаю в целом ряде окружающих его стран, включая Центральную Азию¹⁶.

Вряд ли пропагандистские эскапады подконтрольных государству китайских СМИ будут способствовать достижению взаимопонимания с новой вашингтонской администрацией. Не помогут они и в деле повышения веса Китая внутри треугольника Москва – Пекин – Вашингтон, хотя именно в этом, как представляется, состоит насущная задача китайской дипломатии. Небезвредное увлечение китайской пропагандистской машины популизмом составляет разительный контраст с осторожным и сдержанным курсом официальных политических кругов, который за последние годы превратил Китай во вторую державу мира.

Крен в сторону национализма и возвращение ультралевого дискурса в качестве инструмента мобилизации общественного мнения подталкивают Китай к быстрому и радикальному пересмотру наследия Дэн Сяопина, учившего «присматриваться, действовать осторожно, не выпячивать свою мощь» [см.: Денисов И.Е., 2015:40-54]. Эта стратегия на протяжении более чем тридцати лет успешно работала на реальные долгосрочные коренные интересы страны и в нынешних обстоятельствах ещё далеко не потеряла своей актуальности и полезности.

По очевидным причинам Пекин и Вашингтон имеют диаметрально различающиеся взгляды на перспективы усиления в регионе влияния друг друга¹⁷. Система двусторонних союзов,

выстроенная США с участием других тихоокеанских государств, воспринимается Китаем как вызов. США, естественно, видят её совсем иначе [Gompert D.C., Binnedijk H., Lin B., 2014:219]. Китай полагает, что США в любом случае нуждаются в сопернике и рассматривают в качестве такового именно Пекин¹⁸. Америка же придерживается иного взгляда на сущность своей политики. С её точки зрения, она ставит во главу угла принцип сохранения стабильности и равновесия сил [Gompert D.C., Binnedijk H., Lin B., 2014:224]. В результате трения, соперничество и конкуренция между двумя ключевыми тихоокеанскими державами представляются неизбежными, однако их перерастание в открытый конфликт отнюдь не предопределено.

Пекину, как и всему миру, предстоит уживаться с Д. Трампом, привыкать к его профессиональному стилю и на этой основе определять свою линию поведения на международной арене. Особой заботой президента, судя по всему, будут пользоваться вопросы внешнеторгового плана. Внешняя политика как таковая, похоже, может методологически формироваться наподобие понятных ему бизнес-проектов, где главное – это прагматический утилитаризм, где интерес тождественен выгоде, а расчётливость не так уже плотно увязывается с морализаторством, тем паче с идеологической риторикой.

Подобная схема может вести к частичной переоценке вызовов и угроз,

¹⁶ Характерны здесь многочисленные публикации известного пекинского таблоида “Global Times”.

¹⁷ США безвозмездно поддерживают Тайвань? Не смешите! (美国无偿支持台湾? 别傻了) // http://www.taiwan.cn/plzhx/hxshp/201404/t20140425_6070783.htm. (Дата обращения: 25.04.2014).

¹⁸ Политика США по прорыву блокады Тайваня обречена на провал (美国通过对台“六项保证”“台独版本”闯关失败) // http://news.china.com.cn/live/2016-04/26/content_35912452.htm. (Дата обращения: 26.04.2016).

некоторому упрощению внешнеполитического поведения, определённой оптимизации непосредственной вовлечённости США в те или иные региональные дела. Но будет опрометчиво видеть в ней признак отстранённости США, сворачивания ими своей глобальной доминирующей роли и снижения амбиций. Исходный и конечный пункты неизменны – США не претендуют на лидерство, их «вселенская миссия» состоит в том, что они должны осуществлять его твёрдо и уверенно, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Только делать это, по мысли Д. Трампа, следует по возможности менее затратно и с более очевидной отдачей.

Можно предположить, что Трамп рассматривает американо-китайские отношения как часть более широкого взаимодействия внутри треугольника, вершинами которого являются США, КНР и Россия. Он не может быть фигурой, в которой все его компоненты равновелики и равновесны. Это не инструмент баланса, а средство для сдерживания активности двух других углов. Сдерживания, которое в зависимости от обстоятельств и потребностей США может принимать формы усиления нажима или разрядки.

При этом система двусторонних союзов и подконтрольных Соединённым Штатам региональных блоков никуда не исчезнет. Отношения с младшими партнёрами по-прежнему рассматриваются в качестве основы американского влияния в мире. Именно на такой игре, похоже, собирается концентрировать своё личное внимание президент США, поскольку внутриамериканские реформы потребуют от него большого напряжения и немалых усилий.

Комплекс китайско-американских отношений представляет собой слож-

ное совмещение многообразного сотрудничества и несовпадений, подчас серьёзных, интересов и взглядов по немалому реестру тем двустороннего и международного порядка. Высокая степень практической взаимозависимости двух государств, конечно, не может исключать каких-то приливов и отливов. Обе стороны постоянно пытаются придать динамике их взаимодействия по возможности сбалансированный характер [Россия и Китай..., 2013:623-628].

Речь идёт о совмещении масштабного делового сотрудничества и потенциально опасных трений в области безопасности и большой политики. Этим современные китайско-американские отношения существенно отличаются от советско-американских времён Холодной войны. Многие спорные вопросы могут стать если не предметом сотрудничества, то полем для прагматичных поисков взаимопонимания. Такого рода подвижки, судя по посылаемым сигналам, вполне устроили бы Пекин.

В любом случае новый президент США едва ли пойдёт на то, чтобы поставить под удар огромный багаж китайско-американских отношений. Стратегическая абсурдность такого образа действий лежит на поверхности, равно как и его неприемлемость для всего мира, в том числе для союзников США.

Тем не менее на данном этапе главным объектом американского давления будет Китай. В расчете на это Д. Трамп, по всей вероятности, посылает сигналы России о готовности к некоей оттепели в отношениях с ней. В Пекине начинают испытывать некоторое беспокойство по поводу нарастающих позитивных намёков Трампа и аналогичного плана реплик со стороны В.В. Путина. Китай, в свою очередь, сигнализирует,

что продолжает рассчитывать на «плечо» России в обстановке возникающей неопределённости в его отношениях с США.

Представляется критически важным, если «размораживание» российско-американских отношений действительно получит движение, чтобы у США не возникло ложного чувства, что этот процесс может осуществляться за счёт российско-китайского партнёрства, будто Вашингтон получает возможность разыгрывать «российскую карту» для увеличения нажима на Китай. Подобного рода тревогам и подозрениям в Китае не должно быть места. Какой бы ни была новая политика Трампа, у России и Китая не должно возникать причин неуверенности друг в друге.

И Китаю, и России было бы полезно демонстрировать друг другу и всему миру единое понимание важности выстраивания ровных конструктивных отношений с США при президенте Д. Трампе. Это отражало бы их общую заинтересованность в том, чтобы треугольник США – Китай – Россия стал инструментом стабилизации мирового порядка, содействовал соединению усилий трёх мировых держав в целях повышения эффективности противодействия обостряющимся вызовам и угрозам, в чём состоит реальная необходимость и потребность современного глобального управления [см.: Лукин А.В., 2007: 72-94; Lukin A., 1998:821-835].

Какими бы ни были личные особенности Д. Трампа, как и в начале президентства Б. Обамы, речь может идти лишь о частичной корректировке некоторых особенностей предшествовавшего курса. Она неизбежно затронет область отношений между Китаем

и США. В Пекине не скрывают, что его долгосрочным и становящимся всё более глобальными интересам отвечало бы сохранение всего того немалого позитива, который был накоплен в последние годы в сотрудничестве с Вашингтоном. Чтобы всё складывалось таким образом, Пекину понадобится взвешенно и продуманно, чаще обходными манёврами гасить проявления американской линии на сдерживание Китая, ибо она никуда не денется из арсенала важнейших средств, призванных работать на сохранение сверхдержавного статуса и соответствующих позиций США в мире.

Библиография

1. Денисов И.Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // *Международная жизнь*. 2015. № 5.
2. Лукин А. Китай: Опасный сосед или выгодный партнёр? // *Pro et Contra*. 2007. № 6.
3. Россия и Китай: Четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В.Лукина. М.: Вестъ, 2013.
4. Brooks S.G., Wohlforth W.C. The rise and fall of the great powers in the twenty-first century. China's rise and the fate of America's global position // *International Security*. 2015. Vol. 40. № 3.
5. Chase M.S., Engstrom J., Cheung T.M., Gunness K.A., Harold S.W., Puska S., Berkowitz S.K. China's incomplete military transformation. RAND Corporation. Santa Monica, 2015.
6. Forging China's military might. A new framework for assessing innovation. Baltimore, 2014.
7. Glaser C.L. A U.S.-China grand bar-

gain. The hard choice between military competition and accommodation // *International Security*. 2015. Vol. 39. № 4.

8. Gompert D.C., Binnedijk H., Lin B. *Blinders, blunders and wars. What America and China can learn?* RAND Corporation. Santa Monica, 2014.

9. Kelly T.K., Dobbins J., Shlapak D.A., Gompert D.C., Heginbotham E., Chalk P., Thrall L. *The U.S. Army and Asia, 2030-2040*. RAND Corporation. Santa Monica, 2014.

10. Lostumbo M.J., McNerney M.J., Peltz E., Eatan D., Frelinger D.R., Greenfield V.A., Halliday J., Mills P., Nardully B.R., Pettyjohn S.L., Sollinger J.M., Worman S.M. *Overseas basing of U.S. military forces: An assessment of relative costs and strategic benefits*. RAND Corporation. Santa Monica, 2013.

11. Lukin A. *The Image of China in Russian Border Regions*. // "Asian Survey". 1998. Vol. 38. № 9.

12. Moore T.J. *China's security perspective*. Monterey, 2011.

13. Pettyjohn S.L., Vick A.J. *The posture triangle. A new framework for U.S. Air Force global presence*. RAND Corporation. Santa Monica, 2013.

References

1. Denisov I.E. *Evolutsiya vneshnei politiki Kitaya pri Si Tszin'pine* // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2015. № 5.

2. Lukin A. *Kitai: Opasnyi sosod ili vygodnyi partner?* // *Pro et Contra*. 2007. № 6.

3. Rossiya i Kitai: Chetyre veka vzaimodeistviya. *Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii* / pod red. A.V. Lukina. M.: Ves' mir», 2013.

4. Brooks S.G., Wohlforth W.C. *The rise and fall of the great powers in the twenty-first century. China's rise and the fate of America's global position* // *International Security*. 2015. Vol. 40. № 3.

5. Chase M.S., Engstrom J., Cheung T.M., Gunness K.A., Harold S.W., Puska S., Berkowitz S.K. *China's incomplete military transformation*. RAND Corporation. Santa Monica, 2015.

6. *Forging China's military might. A new framework for assessing innovation*. Baltimore, 2014.

7. Glaser C.L. *A U.S.-China grand bargain. The hard choice between military competition and accommodation* // *International Security*. 2015. Vol. 39. № 4.

8. Gompert D.C., Binnedijk H., Lin B. *Blinders, blunders and wars. What America and China can learn?* RAND Corporation. Santa Monica, 2014.

9. Kelly T.K., Dobbins J., Shlapak D.A., Gompert D.C., Heginbotham E., Chalk P., Thrall L. *The U.S. Army and Asia, 2030-2040*. RAND Corporation. Santa Monica, 2014.

10. Lostumbo M.J., McNerney M.J., Peltz E., Eatan D., Frelinger D.R., Greenfield V.A., Halliday J., Mills P., Nardully B.R., Pettyjohn S.L., Sollinger J.M., Worman S.M. *Overseas basing of U.S. military forces: An assessment of relative costs and strategic benefits*. RAND Corporation. Santa Monica, 2013.

11. Lukin A. *The Image of China in Russian Border Regions*. // "Asian Survey". 1998. Vol. 38. № 9.

12. Moore T.J. *China's security perspective*. Monterey, 2011.

13. Pettyjohn S.L., Vick A.J. *The posture triangle. A new framework for U.S. Air Force global presence*. RAND Corporation. Santa Monica, 2013.

Vitaly Y. VOROBIEV,

Senior Research Fellow, Center for East Asian
and Shanghai Cooperation Organization Studies,
Institute for International Studies, MGIMO-University
MFA Russia, Extraordinary and Plenipotentiary
Ambassador of the Russian Federation

E-mail: yiweiwang@ruc.edu.cn

The Future of US-Chinese Relations under the Administration of Donald Trump

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-60-75

ABSTRACT. Long-standing objectives of U.S. foreign policy remain unaltered regardless of the person incumbent. The US elite unanimously see the purpose of maintaining its leading role in international relations. It is still possible that there will be some corrections the American foreign policy but they will not alter the general line. Donald Trump won the US presidential elections. He announced one of his strategic lines in foreign policy is to deter China. From the author's point of view, is to have complex consequences in economics, foreign-policy and defense strategies. The economic growth of China is declining, albeit for the past decades China became the second world power. The USA, at the same time, successfully

overcame the consequences of financial crisis 2009. Nowadays, the GDP gap between considering countries is growing again and China is unlikely to reduce it in the short term. It is possible that during the diplomatic negotiations, the USA will reduce its influence in some world regions: they are ready to redistribute the spheres responsibility and demonstrate their attentive position to the interests of other state. The US-China relationships exist in changeable and dynamic forms and in this context, China relates to the stability of its partnership with Russia.

KEYWORDS: containment, US, politics, Russia, interaction, economy, conflict, strategy, diplomacy.